

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ СОВЕТА САМОУПРАВЛЕНИЯ
СОКОЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
СОКОЛЬСКИЙ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
СОКОЛЬСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«К ТЕБЕ ПРИШЕЛ Я, КРАЙ РОДИМЬИЙ...»

Книга о судьбе и творческом наследии
вологодского поэта
Алексея Ганина

*Под общей редакцией
профессора Г. В. Судакова*

К 1361013

Вологда

«Книжное наследие»

2005

С. А. ТИХОМИРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

*Памяти моего деда
Георгия Константиновича
Лазарева, жителя деревни
Коншино, знавшего
поэта Алексея Ганина,
п о с в я щ а ю*

Писать об Алексее Ганине — сложно и ответственно. Идея издания книги, которую держит в руках читатель, была высказана на краеведческих чтениях, посвященных 110-летию со дня рождения крестьянского поэта. Говоря о его творчестве, я, прежде всего, преследую цель вспомнить основные этапы начального периода изучения литературного наследия человека, чей «голос» был выражен понятием «судьба», кого «вскормила изба», а главным словом выступала «вечность». Публикуемые заметки далеки от академизма, они призваны рассказать о находках вологодских краеведов, ничуть не забывая о достоинствах исследований, ставших классическими в отечественном литературоведении.

* * *

Возвращением поэта Алексея Ганина в родные края, на свою малую родину, можно назвать события, которые проходят в последние десятилетия в вологодском литературном пространстве. Выхо-

дец из крестьянской семьи (уроженец деревни Коншино, ныне Сокольский район Вологодской области), удачливый студент Вологодского учительского института, незаурядный поэт и современник известных творцов русской литературы (Сергей Есенин, Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин, Пимен Карпов) надолго оказался вычеркнутым из последующего литературного процесса. Произведения репрессированного, расстрелянного, а впоследствии и выключенного из учебников поэта, не знали даже немногочисленные специалисты по истории русской литературы 20–30-х годов XX века. Предрекая в одном из своих стихотворений о воскрешении своего имени и возвращении своего наследия через сто лет, Алексей Ганин как бы предчувствовал выход в свет в 1991 году в Северо-Западном книжном издательстве небольшой скромной книжечки своего немногочисленного наследия (тридцать четыре стихотворения, девять поэм и один незаконченный роман). Читательской аудитории представилась счастливая возможность познакомиться с редким талантом поэта, входившим в известное есенинское окружение. Его творчество впервые за долгие годы было объединено в одной книге, а имя его восстановлено в исторической памяти нынешнего поколения.

Однако творчество Алексея Ганина и отдельные факты его биографии сегодня известны крайне скудно. Причин тому множество... *Во-первых*, весь личный архив поэта и его семьи погиб еще до Великой Отечественной войны, а многие документы погибли вместе с исчезновением Алексея Ганина. *Во-вторых*, произведения поэта публиковались маленькими тиражами и в основном были рассыпаны по страницам провинциальных периодических и столичных левозсеровских изданий. *В-третьих*, наконец, известны совсем незначительные факты биографии Алексея Ганина, полученные от его современников – жителей деревни Коншино. Крестьяне с Бохтюги зафиксировали в памяти немногочисленные приезды поэта в родную деревню (один из них вместе с Сергеем Есениным), а также разговоры, ходившие в деревне о причинах исчезновения поэта в Москве. Из этих преданий видно, что Сергей Есенин Коншино по-

сецал не единожды, любил общаться с местным населением, по-сецал «вечерины», угощал коншинских девушек «всяческими вкусностями». По поводу гибели Алексея Ганина жители Коншина уверяли друг друга, что причинами ареста и расстрела поэта могли стать, якобы, написанные им стихи, порочащие Льва Троцкого, или какие-то антисоветские листовки и воззвания, обнаруженные в портфеле крестьянского поэта. Думаю, что жители родной деревни не далеки были от правды: исследователи утверждают, что в ганинском следственном деле фигурировали тезисы какой-то политической программы (сохранилось их название «*Мир и свободный труд – народам*»). Крайне скудны и сведения, сообщенные родственниками поэта.

Судьба и творчество Алексея Ганина неоднократно привлекали внимание отечественных литературоведов – историков русской литературы. Правда, статьи и заметки о поэте, начиная с 60-х годов XX века, скорее носили *воспоминательный* характер. Периодические издания неохотно публиковали материалы о литературном наследии поэта из есенинского окружения, редакторы боялись давать слово честным исследователям поэзии Серебряного века. Счастливой попыткой впервые донести до читающей аудитории немногочисленные сведения о судьбе Алексея Ганина явилась публикация в 1968 году в газете «*Красный Север*» материалов под общим названием «*Алексей Ганин – вологодский поэт*». Газетная полоса объединила выступления разных литературных жанров. Познакомиться с первыми итогами своих архивных разысканий читателю предложил литературовед Н. Н. Парфенов. Его статьей «*К тебе пришел я, край родимый*» начиналось серьезное исследование литературного наследия вологодского поэта. Поэтический образ писателя Серебряного века дополнялся воспоминаниями сестер Алексея Ганина Е. А. Сорокиной и М. А. Кондаковой «*Старший брат*» (публикуются в настоящем издании), а также мемуарными записками о совместной службе во время гражданской войны в госпиталях Северного фронта военного врача из Великого Устюга А. В. Фалина. При

публикации упомянутых газетных материалов требовалось соблюдать особую осторожность. Говорить открыто о репрессированном писателе было нельзя. Возвращение еще только готовилось...

Инициатором подготовки первой серьезной публикации о судьбе и поэтическом наследии Алексея Ганина выступил исследователь из Ленинграда, преподаватель Высшей партийной школы Н. Н. Парфенов. Его интерес к творчеству Алексея Ганина возник неслучайно. Начиная с 1961 года, Николай Николаевич занимался изучением истории периодической печати Европейского Севера первого десятилетия Советской власти. Исследователь познакомился с десятками печатных изданий Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Череповецкой, Мурманской губерний. Историк русской журналистики перелистал и прочитал тысячи статей, корреспонденций, заметок. Одновременно он проводил архивные изыскания, встречался с участниками событий. И всюду его сопровождали скрупулезность исследователя, выверенность научного подхода, верность исторической истине...

В процессе изучения Николай Николаевич уделял особое внимание судьбам и творческому наследию литераторов и публицистов Европейского Севера. Наткнувшись в ходе собственных газетных штудий на стихотворения Алексея Ганина, он со свойственной ему одержимостью занялся изучением жизненного и творческого пути единомышленника, творческого собеседника и друга Сергея Есенина. Неустанный поиск Николая Николаевича, изучение различных изданий первой четверти XX века, знакомство с реальными участниками исторических свершений позволили историку и журналисту из Ленинграда сделать несколько открытий из литературной жизни начального этапа Советского государств. Ему, например, удалось установить хронологию двух пребываний Сергея Есенина в Вологде, отыскать здания, ныне считающие литературными памятниками, связанными с удивительным поэтом Советской Руси и Руси Кабацкой, найти лучший из опубликованных поэтических сборников Алек-

сея Ганина «*Былинное поле*», ставший уже тогда библиографической редкостью, составить библиографию его творчества. Если только вдуматься в перечень этих находок... Это настоящие исследовательские открытия...

Однако главным делом Николая Николаевича стало возвращение доброго имени Алексею Ганину, его реабилитация и открытие его творческого наследия многотысячной читающей аудитории. Исследователю потребовалось приложить немало журналистских усилий, чтобы убедить сестер поэта Е. А. Сорокину и М. А. Кондакову обратиться с просьбой в Главную военную прокуратуру о реабилитации Алексея Ганина. В 1966 году из военного трибунала Московского военного округа было получено письмо о пересмотре уголовного дела по обвинению писателя.

Николай Николаевич стал колумбом изучения ганинского творчества. Его перу принадлежат десятки газетных и журнальных статей исследовательского характера. Интерес к творчеству Алексея Ганина не утихает...

Следует также сказать и еще об одной грани таланта Николая Николаевича. В 1976 году с его легкой руки в музее Архангельской средней школе Сокольского района начался увлекательный поиск материалов об уроженце деревне Коншино Алексее Ганине. Приехав в один из осенних дней в село Архангельское, ленинградский журналист обратился к учителям сельской школы с инициативой создать экспозицию о жизни и творчестве вологодского поэта из окружения Сергея Есенина. Состоялась встреча с педагогическим коллективом, а немного позднее — с представителями сельского совета, районного отдела культуры, сельской интеллигенцией. Возглавить музейное начинание поручили учителю Архангельской средней школы А. А. Еремееву, бывшему фронтовику.

Поиск продолжался долгие полтора десятилетия. Итогом этих удивительных исследовательских разысканий стали музейные экспозиции с бесценными уникальными экспонатами.

Вглядитесь в эти находки...

Интересна попытка реконструкции хозяйственного и культур-

ного ландшафта деревни Коншино: стройные ряды крестьянских домов, которые удивительным образом влетают в стройность уличного пространства.

Удивительны старинные фотографии, где изображены родственники крестьянского поэта.

Хранятся в школьном музее воспоминания сестры Алексея Ганина Марии Кондаковой. Ценность таких исторических источников как дневники и воспоминания непосредственных свидетелей исторических событий известна не только исследователям. Эту тетрадку с трогательными заметками о своем ушедшем до срока брате Мария Алексеевна написала в 1979 году. Сейчас эти записки являются единственным источником о жизни Алексея Ганина в вологодский период. Они публикуются в этом издании. Вероятно, сохранились где-то и еще такие же бесценные документы.

Несомненным открытием исследователей из села Архангельского стали сведения, изложенные в переписке с людьми, которые знали Алексея Ганина. Остановимся только на одном примере...

Во время гражданской войны Алексей Ганин отправился добровольцем служить в Красную Армию. Он служил фельдшером в госпиталях на северодвинском направлении, поскольку в 1914 году после окончания Вологодского медицинского училища стал профессиональным медиком. Об этом периоде жизни крестьянского поэта в музейной экспозиции рассказывают письма бывшего начальника военного госпиталя А. В. Фалина. Во время экскурсий эти документы показывают как одну из главных реликвий. Вот одно из писем: *«Фельдшера А<лексея> Ганина впервые встретил я во время гражданской войны 1918–1919 года на Северном фронте, он работал в том военном госпитале, где я был начальником. Затем мы оба служили в военно-санитарном управлении Котласского района. Ганину приходилось в трудных условиях военной обстановки решать самостоятельно непростые задачи, как то: упорядочить эвакуацию раненых и больных, предварительно наладив санитарный транспорт, проводить наблюдение за организованными им же тщательно согревательными*

пунктами, следить за бесперебойным снабжением медикаментами и перевязочным материалом своего госпиталя и ближайших военных частей, помогать врачу при операциях и многое другое.

Будучи сам образцом дисциплинированности и настойчивости при выполнении данных ему заданий, он и от обслуживающего персонала требовал сознательной дисциплины, к нерадивым относился строго... Следует подчеркнуть, что Ганин выделялся среди своих товарищей по работе общим образованием, широтой своих взглядов. Плюс к тому он был поэтом. В свободные, но, к сожалению, редкие минуты отдыха читал свои стихи. Мы не были специалистами, чтобы судить о них, но некоторые стихи нравились, как-то незаметно для нас самих, часть из них мы знали наизусть...».

Гораздо позднее в краеведческой литературе появились материалы о судьбе А. В. Фалина (опубликованы в 2000 году во втором выпуске краеведческого альманаха «Великий Устюг»). Оказывается, военный врач на склоне лет написал интересные воспоминания о своей жизни. И там Алексею Ганину сказано немало теплых слов: «Говоря об этих трудных днях, я с большой благодарностью вспоминаю самоотверженных людей – моих товарищей по работе, спящих в дружный коллектив. Их скромный труд спас жизнь и здоровье многим бойцам. Вот их имена: врач Денежников, военфельдшер Ганин, Шпрыгов, Попов. Все они опытные специалисты с горячим сердцем и неиссякаемой энергией...».

Интересны его ощущения времени... Напомню, шла гражданская война: «Тяжелые бои проходили в первой половине 1919 года. В результате белогвардейцы были отброшены с подступов к деревне Труфаново за реку Почу. Большую роль в проведении успешных боевых операций на Пинежском направлении играли партизаны. Мне довелось быть на этом участке с февраля по июль 1919 года в качестве главного врача Каргопольского военного лазарета. До этого при лазарете врача не было. В районе деревни находились кадровые воинские части и партизаны. Из медицинского персонала были лишь фельдшера и медсестры. Естественна их перегрузка, особенно во время активных боевых действий. Но с работой они справлялись. Раненые и больные с передовых

позиций эвакуировались в Каргопольский лазарет, развернутый на 60–75 коек. Здесь им оказывалась квалифицированная медицинская помощь. Отсюда создавалась возможность эвакуировать их в гражданский фельдшерский покой в Веркалу к фельдшеру Попову, а также к врачу Денежникову при гражданской лечебнице в Суре. Далее в тыл не эвакуировали, лечение обеспечивали силами существующей медицинской сети. После проведения крупных боевых операций коек для раненых не хватало. Тогда легкораненых выписывали на амбулаторное лечение при лазарете. Все гражданские медицинские учреждения на этом участке фронта находились в оперативном подчинении у начальника госпиталя, образуя своего рода госпитальную базу. Еще зимой по решению совещания с представителем военного речного флота к открытию навигации оборудовали санитарную баржу для перевозки тяжелораненых. Обеспечение лазарета медикаментами, перевязочным материалом и инструментами по тому времени можно считать нормальным, а питание – хорошим. Для упорядочения лечебного дела, системы эвакуации и других вопросов медицинского обслуживания этого участка фронта нередко проводились консультации с выездами на места, о чем командование ставилось в известность. Это было необходимо потому, что руководящий медицинский центр, то есть управление, находился в Котласе и связь с ним была неудовлетворительной...».

Собирая даже такие небольшие письменные свидетельства об Алексее Ганине, можно воссоздать портрет литератора первой четверти XX века. Понимание важности изучения подобных сведений о судьбе вологодского поэта, входившего в есенинское окружение, поможет в будущем создать правильный образ творчества этого писателя в литературном процессе 20-х годов ушедшего столетия.

Продолжая разговор об исследовательском направлении творчества Алексея Ганина, следует остановиться также на письменных источниках, известных благодаря деятельности других краеведов и литературных критиков — исследователей творчества Алексея Ганина.

Начнем также со школьного музея, только другого — из Мурманской области. Своим подвижническим трудом в деле изуче-

ния есенинианы известна В. Е. Кузнецова. Ее письма мне встречались в музее Архангельской средней школы. Они собраны в единой архивной папке и представляют собой великолепный образец ведения исследовательского поиска. Многие годы Валентина Евгеньевна со своими воспитанниками поддерживала переписку с дочерью Сергея Есенина Татьяной Сергеевной. В одном из писем адресат сообщала, что у ее матери З. Н. Райх была шкатулка, где хранились некие листы со стихами. Читая эти письма, Зинаида Николаевна возвращалась мыслями в прошлое, читала их, и плакала... Но стихи эти со временем потерялись, исчезли из памяти... Однако сердце дочери великого поэта хотело вспомнить прекрасные минуты...

Искомый поэтическим памятником оказалось посвящение Алексея Ганина Зинаиде Райх:

*Русалка – зеленые косы,
Не бойся испуганных глаз,
На сером оглохшем утесе
Продли нецелованный час.*

*Я понял, – мне сердце пророчит,
Что сгинут за сказками сны,
Пройдут синеглазые ночи,
Уснут злакудрые дни.*

*И снова уйдешь ты далече,
В лазурное море уйдешь,
И память о северной встрече
По белой волне расплеснешь.*

*Однажды из солнечной пряжи
Истлеют на крыльях зари.
И солнце лица не покажет
За горбам щербатой горы.*

Долго искала его Татьяна Сергеевна, а помогла ей в этом Валентина Евгеньевна, которая обратилась за помощью в школьный музей села Архангельского. Ответ не заставил себя ждать... Стихотворение бережно переписали и отправили дочери Сергея Есенина. В ответном письме А. А. Еремееву Татьяна Сергеевна писала: «...Для меня это целое событие, ведь моя мать так дорожила этими стихами. Когда ее бумаги пропали во время войны, я уж и не надеялась, что когда-либо буду держать в руках эти стихи. О том, что они были напечатаны, я не знала. Еще раз спасибо...».

Конечно, стихотворные строки из поэтического посвящения были дороги Зинаиде Райх. В письме к В. Е. Кузнецовой Т. С. Есенина писала: «...стихи, о которых здесь идет речь, были мне знакомы задолго до того, как мать решила посвятить меня в историю моего замужества. У Зинаиды Николаевны была небольшая деревянная шкатулка, в которой она хранила самые дорогие свои сувениры. Иногда она перебирала эту шкатулку и, если я оказывалась рядом, доставала стихи Ганина и прочитывала их вслух. Помню (возможно, не совсем точно) первую строфу:

Русалка, зеленые косы, Не бойся испуганных глаз. На желтом песчаном откосе продли нецелованный час.

К чтению мать почти ничего не добавляла, говорила только, что поэта, подарившего ей эти стихи во время поездки к Белому морю, нет уже в живых...

...Дорожная обстановка с ее повседневным, ежечасным общением сближает, проясняет отношения, ставит точки над «i». Чувства Ганина стали пробиваться наружу, Есенин забеспокоился, а потому и решил ускорить события, хотя считанные дни назад и не помышлял о том, чтобы обзаводиться семьей – слишком уж времена были неподходящие...».

Как было не влюбиться молодой красивой девушке в статного молодого поэта. В «Воспоминаниях о Сергее Есенинине» Екатерина Эйгес даже писала о внешнем сходстве поэтов друзей: «Был еще у Есенина друг, поэт Ганин. Он жил не в Москве, а в провинции. Они были внешне даже похожи: среднего роста, оба блондины. Когда тот

приезжал в Москву, Есенин бывал с ним у меня...». Интересны в связи с этим воспоминания Максима Горького, запечатлевшего в своей памяти образ Сергея Есенина: «Я видел Есенина в самом начале его знакомства с городом: маленького роста, изящно сложенный, со светлыми кудрями, одетый как Ваня из “Жизни за царя”, голубоглазый и чистенький, как Лознгрин, – вот он какой был. Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить чрезмерно и неискренне, как умеют хвалить лицемеры и завистники...» (строки цитируются по опубликованному во втором томе «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» письму Т. С. Есениной к В. Е. Кузнецовой). Добавим эти тексты словесным портретом Алексея Ганина, который приводит в своих «Воспоминаниях о брате» Мария Кондакова: «По внешнему виду А<лексей> Ганин был среднего роста, коренастый, блондин со светло-голубыми выпуклыми большими глазами, брови белые, носил коротко подстриженные волосы. В детстве при ссоре ребята его ругали: “Сивый”. Он отвечал: “Я не сивый, я белый, сивые лошади бывают”. Одет всегда аккуратно подтянут.

По характеру Алеша был серьезный, настойчивый, аккуратный, смелый, сильный, обладал силой воли, был трудолюбив, исполнительен. Не терпел расхлябанности, лени, несправедливости, подхалимства. Он всегда смело и прямо не взирая на личность горячо отстаивал свои взгляды. Никогда и никого не боялся говорить в глаза правду кому угодно. Говорил Алеша не громко, внушительно, но в споре был горяч. При всех своих деловых качествах Алеша любил шутить, быть веселым, добрым. Удивительно он умел сочетать деловитость и шутки, с большим вниманием относился к людям. Очень любил мать, приезжая домой всегда привозил всем гостинцы и хоть небольшие подарки».

Процитированные выше строки дочери Сергея Есенина сегодня стали хрестоматийными. Воспоминания о совместном приезде Алексея Ганина, Сергея Есенина и Зинаиды Райх не только известны по этим документам. Они до сих пор живы в памяти жителей села Архангельского. Именно тогда состоялся знаменитый церковный

обряд венчания под Вологодой молодого поэта и будущей известной актрисы. Сокольские краеведы в 1995 году записали на магнитофонную пленку новое документальное свидетельство времени — воспоминания жительницы села Архангельского Марии Бакурковой. Со слов своей матери, которая дружила с одной из сестер Алексея Ганина, крестьянка запомнила, что поэт приехал в деревню и представил своей семье Зинаиду Райх как свою будущую невесту. Однако этот брак вскоре расстроился. По версии Марии Бакурковой, во время этого приезда семейство Ганиных *«с утра до вечера занимались сенокосом, а Зинаида Райх и Сергей Есенин гуляли по окрестностям, собирали цветы, слушали народные песни в хороводах. Вместо обещанных двух недель гости пробыли лишь одну, а затем неожиданно собрались и ночью ушли на пристань. Отца будить и запрягать лошадь Алексей не разрешил. Уехали они на пароходе в Вологду»*. После отъезда в Коншино пришло письмо с известием, что *«женидьба его разладилась»*. Подтверждение сказанному можно найти в воспоминания Мины Свирской, соратницы Зинаиды Райх по партии левых эсеров.

* * *

Поэт Алексей Ганин — выходец из крестьянской среды, личность интереснейшая и вполне самостоятельная, автор многих поэтических сборников. В биографии его, однако, привлекают не столько литературные успехи, сколько трагизм судьбы. В 1924 году, задолго до начала массовых политических процессов, он был арестован органами ГПУ, а затем расстрелян. В протоколе допроса Алексея Ганина есть слова, где поэт просит: *«Примите мое раскаяние и, если можно, оставьте мне жизнь»*.

Жизнь ему не оставили... Однако своим творчеством он остался в литературной жизни первой четверти XX столетия. Сегодня можно уверенно сказать, что наследие Алексея Ганина становится самостоятельным уделом литературоведческих изысканий. Исследователи Н. Н. Парфенов, Ю. И. Дюжев, Ст. Ю. и С. С. Куняевы, Т. А. Пономарева обращали внимание на многие аспекты

ганинского творчества. Подтверждением тому — публикуемый в настоящем издании библиографический указатель о поэзии и прозе Алексея Ганина. Однако, по утверждению Н. Н. Парфенова, в исследованиях произведений яркого представителя крестьянской поэзии *«рано ставить точку»*. По его мнению, перед исследователями на сегодняшний день стоят следующие задачи в изучении ганинской тематики:

1. Алексей Ганин как личность. Его мировоззрение и философские вопросы в литературных произведениях.
2. Проза и поэзия Алексея Ганина. Религиозные и космические мотивы в его поэзии.
3. Отражение реальной действительности.
4. История создания литографированных сборников Алексея Ганина.
5. Поэтика крестьянского труда. Фольклорные традиции.
6. Публикации Алексея Ганина в газетах и журналах.
7. Пребывание поэта в Москве и Петрограде, на Севере.
8. Преследования и репрессии.
9. *«Дело четырех поэтов»* (Алексей Ганин — Сергей Есенин — Сергей Клычков — Петр Орешин).
10. Правда и домыслы о поэте.
11. Литературные и дружеские связи Алексея Ганина.
12. Образный строй поэтической речи, особенности языка и стиля.
13. Место Алексея Ганина в российской литературе.

Верится, что скоро читатель будет держать в руках еще один, а может и несколько, исследовательских томов, посвященных крестьянскому поэту Алексею Ганину.

В качестве приложений к статье публикуются воспоминания родственников Алексея Ганина. Они не редактировались и публикуются по всем правилам археографии.

СТАРШИЙ БРАТ

В мезонине нашего небольшого дома в деревне Коншино Алеша устроил библиотеку, которую считал своим главным сокровищем. У него были собрания сочинений Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. В. Кольцова, В. Шекспира, В. Гюго и много книг других русских и зарубежных авторов.

Книжные полки, которые Алексей сделал вместе с младшим братом Федей, высились от пола до потолка по всем стенам мезонина. В одном углу стоял стол для работы, а в другом – кровать. Когда Алеша бывал дома, он большую часть времени проводил в библиотеке. Работал. Нам туда появляться не разрешалось.

Уж очень любил он сенокосную пору. Бывало, косит вместе со всеми около деревни или на дальних урочищах. Между прочим, в одном из отрывков печатавшегося в 1923 г<оду> романа «Завтра» он дает живое описание дороги на луга.

Писать и читать Алеше часто приходилось лишь в дождливую погоду и ночами, днем нужны были его рабочие руки отцу. Из мезонина он выходил на балкончик полюбоваться вечерним небом. Иногда забирался на верхушку большой ветвистой ивы возле дома. Там он оборудовал крошечную беседку, откуда он «наблюдал» за окрестностями.

То с Федей, то с нами, а то с ватагой деревенских ребят, которые очень любили Алешу, он часами бродил в живописном лесочке около деревни или на поляне «Лисьи горки».

С большой любовью он рисует картины природы во многих своих стихотворениях. Вот как, например, он писал о своем восприятии весны:

*Сегодня целый день я пил твое дыханье,
Я, радостный гусяр таинственного сна,*

*И дивно мне в бреду очарованья
Твердить священное: «Весна!».*

И еще одно образное восприятием поэтом, но уже не весны, а осени:

*В нагих полях бредет в сермяге день,
Обрывки зорь за полы неба прячет,
Из мутных глаз течет унынья тень,
Седая борода дождями плачет.*

Мы помним, что у брата в Коншине бывали поэты Сергей Есенин и Николай Клюев.

Отец требовал, чтобы Алексей работал по хозяйству. «*Марать бумагу*», как выражался отец, было, по его мнению, пустое дело.

Своего хлеба у нас хватало только до декабря, и отец вынужден был, чтобы прокормить семью, уходить до лета на заработки по деревням или на Беляевский завод. Время от времени ему помогали Алексей и Федя.

После Октябрьской революции отец получил полный земельный надел. Жить стало легче.

В 1920 г<оду> Алексей женился. В его семье через год появилась дочка. А он стал учиться в пединституте. Дома его стали видеть все реже.

Мы знали, что его стихи печатались в газетах, журналах и сборниках. Некоторые из них помним на память и поныне. Мы не удивились, когда брат собрался и уехал в Москву с большой рукописью осенью 1923 г<ода>. Ждали от него хороших вестей.

Ведь он обещал скоро вернуться.

Но не вернулся.

М. А. Кондакова, Е. А. Сорокина,
сестры А. А. Ганина. Город Архангельск

Публ. по: Красный Север. – 1968. – 3 августа.

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ А. А. ГАНИНЕ

(Л. 1). Алексей Алексеевич Ганин родился 11 августа 1893 года в деревне Коншино Архангельской волости Вологодской губернии в семье крестьянина. (До революции хозяйство отца было ниже средняцкого, а после передела земли по едокам — средняцкое).

Наша деревня Коншино находилась в стороне от проезжих дорог, лишь изредка в сухую погоду летом и зимнюю хорошую дорогу проходили пешеходы из деревни Хаймилово и Алексейцево через нашу деревню в село Архангельское, а на лошади к нам в деревню заезжали с глиняной посудой, с деревянной и если кому-то надо было по делам в нашу деревню.

(Л. 1 об.). В деревне всегда было чисто, сухо, заулки были покрыты мягкой зеленой травкой, точно бархатным ковром. Почти каждую субботу девочки мели улицу около своих домов. Даже песню пели:

Завтра праздник воскресенье

Надо улицу мести,

Почему не ходит дрoля?

Надо ленту завести (видимо в косу — М. К.)

Девочки подражали взрослым и пели те же песни.

Деревня наша стояла на холме и возвышалась над всеми окружающими деревнями, ее было видно издалека. Домов в деревне было 18, дома расположены были в два ряда. По основному ряду было 14 домов, (Л. 2) окнами эти дома выходили на улицу и четыре дома стояли дворами на улицу, а окнами на южную сторону. Домов богатых в деревне не было, были домики небольшие, одноэтажные, но хорошие. Один дом дяди Николая был двухэтажный. Очень бедных домов тоже не было. Были бедней других дома Выюшиной Юлии — вдовы, и Шараповой Парасковьи Михайловны — тоже вдовы, которая имела 6 человек детей, а Выюшина имела 2-х человек детей.

Богатых мужиков в нашей деревне не было и нищих не было. Через улицу, прямо каждого дома были небольшие садики, в которых росли: черемухи, яблони, рябины, кусты смородины, крыжовника, а за дворами расположились огороды, где грядки засаживались (Л. 2 об.) овощами. Около домов у крыльца у нескольких домов росли березы.

При въезде в деревню от Кузьминского налево от отвода аккуратно сложен под крышей пожарный инвентарь, рядом стоял столб, на котором прибита красивой формы выкрашенная белилами и на которой черной краской четко, красиво написано крупными буквами:

*«Деревня Коншино,
дворов – 19, десятин – 29,
душ – 96».*

Эту доску любовно сделал А<лексей> Ганин перед уходом в армию осенью в 1914 г<ода>. Доска стояла до конца существования деревни.

Коншинские очень любили свою деревню и даже кем-то были сложены песни, которые с гордостью пели, особенно девочки.

*(Л. 3). Коншино нашу деревню
Городом можно назвать,
Кто проедет, да пахает,
Тому голову назад.*

* * *

*Коншино наша деревня
Ровно городочек,
У одного у паренька
Отшитый вороточек.*

Кому посвящена эта песня? Неизвестно, но помню у Вьюшина Н<иколая> Н<иколаевича> у молодого была вышита рубашка, возможно, и ему посвящена песня.

Народ в деревне в большинстве был спокойный, дружный. Очень редко ссорились, на улице не было громких ссор, как это иногда слышался крик и шум из соседних деревень, а драк вообще никогда не было.

Шум и недовольство было со сторо[ны] (**Л. 3 об.**) некоторых лишь только, когда шел передел земли по едокам, т<ак> к<ак> недовольны были от кого отрезали землю, и когда в 1918 г<оду> слышен шум был, когда в деревне делили хлеб, или другие продукты и товары, в остальное время не было никаких скандалов.

Мужчин из нашей деревни никогда не видели пьяных — ни парней, ни женатых. Не только в обычное время, но и в праздники. Мужчины в праздники выходили всегда на улицу, чтобы следить за порядком. Чаще всего они собирались на середине деревни на скамейке около дома Брызгалова Алексея Матвеевича, а зимой они собирались в избе у него — играли в карты, или просто разговаривали.

По своему характеру мужчины были спокойные, тихие и даже (**Л. 4**) большинство из них не курили.

Молодежь любила собираться около дома Вьюшина Н<иколая> Н<иколаевича> на лужайке и на бревнах перед домом Костылевой М<арии> М<ихайловны>. На троицкой неделе перед окнами Вьюшина делали качели круглый год. Кроме того, молодежь гуляла в поле под Кузьминским на косогоре, где был и Есенин, приезжая в Коншино в 1917 году. Однако летом любимым местом для гуляний было местечко под Иванковым, так называемом «на мостках». Как только растает снег, то сразу же молодежь отправлялась «на мостки».

И даже песню пели:

*Скоро, скоро снег растает
На мостки гулять пойдем,
Которы отданы подарочки
Опять назад возьмем.*

(Л. 4 об.). Молодежь у нас в деревне была довольно культурная, парни высокие, стройные, довольно симпатичные и пользовались авторитетом у девушек.

Девушки наши одевались не богато, но изящно, со вкусом, красиво, многие сами шили одежду.

В основном крестьяне были хлеборобы, люди трудолюбивые и жили по-среднему, у кого было мало земли были мастеровыми: печники (4 чел<овека> — братья Ганины), плотники (братья Шарповы), а другие занимались исключительно земледелием.

В деревне не было насмешливых прозвищ, называли всех по имени без отчества и по фамилии, или же по имени хозяина, или хозяйки. Напр<имер>, Митревы (в честь Дмитрия), Матвеевы (в честь Матвея), Феклистины, Таисины Манефины **(Л. 5)** по бабушкам. Нас звали Плины, т<ак> к<ак> маму звали Евлампия (ласкательно Пия). Ребят дяди Асикрита — звали Сетковы (т<ак> к<ак> дядю) Асикрита называли Сетко). По фамилии называли Дугановых, Вьюшиных и Ганиных (дяди Николая детей).

Наш дом старый, в котором родился Алексей, был маленький в 3 окна, окна выходили на улицу. Новый дом (я помню, как его сделали) стоял окнами «на полдень», двором — к улице, около дома у крыльца росли 2 высокие березы. За двором — выходил на улицу маленький садик, где росли две яблони, большая черемуха, куст можжевельника и куст смородины. Садик — обнесен изгородью. Рядом с садиком, за двором, у самой улицы, был глубокий колодец с вкусной, чистой водой, которой пользовались многие люди из деревни. **(Л. 5 об.).** Перед окнами дома был огорожен досчатой изгородью (как называли палисад) участок, где садили овощи: сахарный горох, брюкву, морковь, огурцы и др<угие>.

В правом углу от дома, около крыльца за палисадником, росли высокие, развесистые ивы (две), на которых братья сделали беседку из широких толстых досок и забирались туда летом. Рядом росла березка и ель, около ели, верней почти под елью, стояло точило и станок, где отец точил косы. Вдоль забора от ив к полю росли кусты смородины и малины. С левой стороны перед грядками рос-

ла красивая развесистая черемуха. Около черемухи – большой куст смородины, перед окнами братья сделали клумбы, где сеяли цветы. Возле грядок был небольшой погреб. За двором через улицу (**Л. 6.**) был еще огород, где на нескольких грядках (кажется их было четыре) выращивали капусту. Перед грядками через межу в том же огороде росли 13 яблоней, на них были вкусные яблоки. Этот огород был загорожен обыкновенной изгородью из частокола. За овощами ухаживала любовно вся наша семья, особенно с интересом мы поливали. Огурцы же закрывали вечером мхом и соломенным ковриком (когда холодно), а утром открывали. Это было довольно канителью, но и интересно. Конечно доставалось это больше всех нашей маме, но она была довольна, у нас ежегодно было много огурцов и ели мы [их] свежими и солеными, сколько хотели.

Наш дом был большой <...>, (**Л. 6 об.**) но он был красивый, опущенный, с мезонином, а из мезонина – выход на балкон. В мезонине были два небольших окна по бокам, а на середине – стеклянная дверь (сверху стекло, а дальше деревянная, столярной работы.)

Сбоку, справа, к дому приделано досчатое крыльцо (оно больше половины расположено в огороде за палисадом), из крыльца выход на веранду (дверь была обыкновенная, из досок). Братья вместе с отцом покрасили домик желтой краской. Младший брат Федя выпилил красивые узоры на балконе и на веранде. Вокруг окон сделаны красивые наличники и покрашены белой краской (окон наш дом имел 10: 4 – передние и по 3 окна – по бокам).

Точно кружевом общито было под крышей узорчатой полосой вокруг (**Л. 7**) фронтона, и по карнизу тоже была полоса красиво сделанная, все это придавало красивый вид дому. Крыша была железная и покрашена зеленой краской (поздней зеленой краски не было и покрасили красной).

Снаружи домик был довольно красивый. Внутри просто, изба была разделена заборками на 4 части. Передняя часть была значительно больше и разделена на 2 комнаты. Одна комната большая, и чуть меньше другая, в обеих комнатах передних было по 2 окна и

с боков по два. В большой комнате от стены были сделаны лавки по всей комнате, в переднем углу стоял большой стол и больше никакой мебели не было. В маленькой комнате на середине стоял столик, венские стулья (6 штук), (**Л. 7 об.**) в левом углу полочки и скамеечка с цветами (цветов было много). По заборке от кухни — кровать.

Небольшая была прихожая, где в левом углу висел умывальник, а справа у окна обыкновенная скамья, на задней стене — вешалка для одежды. Из прихожей — вход в кухню. Большая, изящно сделанная, отцом русская печь выходила в прихожую (задняя стенка) и боковая стена в обе половины, большая часть была в кухне. Три стенки у печи были почти что до потолка и они очень с красивыми карнизами. Стены в избе были бревенчатые, правда, вытесанные и выглядели красиво, пол крашенный желтой краской. Отец мечтал в избе оштукатурить, оклеить, но так ему и не удалось осуществить эту мечту. С такой большой семьей все же не хватало средств. Братья сначала (**Л. 8**) учились, в 18-м году оба ушли на фронт, Алеша еще служил в армии с 14-го года.

Наша семья состояла из 9 человек (отец, мать, 5 дочерей и 2 сына). Иногда подшучивали знакомые над отцом: *«Степаныч, у тебя кругленькая семейка-то»*. Да, действительно, кругленькая. Раньше была пословица: *«Семеро ребят, так и барина съедят»*. А отец был всего лишь печник. Досталось ему.

Старшая сестра Шура была на 1/2 года старше Алеши, они были очень дружны с детских лет и до последних дней жизни Алеши, он ее всегда звал — Шурочка. Ели они всегда из одной чашки, за столом сидели рядом. Если один из них провинился и ругали дома, то они оба плакали вместе, хотя другого не ругали. Один раз был забавный случай, рассказывала мама: Алеша и Шура в детстве ели гороховый суп, он им так понравился, что попросили прибавки. Папа сказал: *«Не съедите, за ворот вылью»*. Они отвечают: *«Съедем, съедем»*. Ели, ели и оба заревели, есть-то не хотят, а признаться боятся. Было у нас принято, *«что налита, надо съесть, не хочешь, не проси»*.

Маленький Алеша очень любил парное молоко. Мама рассказывала, что когда она доила корову, то они с котом рядом сидели на лесенке во двор, Алеша сидел с чашечкой в руке, а кот тоже возле своей чашки, в первую очередь им наливалось молоко. Над ним дома подсмеивались, что пил парное молочко и стал полным и белым.

(Л. 9). Рос Алеша крепким, здоровым мальчиком и сильным, с ним ребята боялись ввязываться в драку.

Наш отец учил его: *«Ты первый не начинай драку, а нападут, то дай сдачи так, чтобы больше не захотели нападать»*. Алексей так и поступал, поэтому на него редко нападали, кому же хочется быть битым? Тогда ребята нашли случай, оклеветали Алешу, чтобы дома попало. Когда Алеша учился во II-м классе, ему сшили зимнее пальто (вместо ваты на куделе, длинное с запасом), тяжелое, ведь каждый год новые вещи родители не могли покупать, Алеша пришел домой поздней других, а мальчишки передали, что его оставили после уроков. Только зашел в избу и (Л. 9 об.) мама его напоролла вещей, не узнав в чем дело. Всю жизнь потом жалела, а мальчишки остались довольны.

В школу Алеша пошел восьми лет, в 1901 году, в Мочаловское земское училище, которое окончил успешно. За отличные успехи и примерное поведение был награжден Евангелием (тогда это была лучшая награда). Затем Алеша учился в Устье-Кубенском в двухклассном училище. Это далеко от нашей деревни и Алеша редко ходил домой. Провожала его сестра Шура и всегда со слезами, с грустью. Они же были так дружны и вдруг наступила разлука — и тому и другому жаль расставаться. Шура иногда ходила в Устье, когда долго не приходил Алеша и носила ему пирогов и др<угих> продуктов. Мамины (Л. 10) пироги Алеша очень любил и в детстве и когда был взрослым.

Один раз в Устье в городском училище священник здорово набил мальчика по голове, мальчик заболел и умер. На похоронах Алеша прочел свое стихотворение, посвященное мальчику, и его едва не исключили, спасся тем, что хорошо учился. С детства Але-

ша рос любознательным мальчиком. Очень любил слушать сказки, которые рассказывала бабушка Феоклеста Дмитриевна (мамина мать), а она много знала сказок. Отец рассказывал много разных жизненных историй, он работал на заводе и много слышал серьезных и шуточных историй, и дома рассказывал. Много рассказывал былин, сказок и бывальщин дедушка (Л. 10 об.) Дуганов (он часто ходил к нам) и Алеша с большим увлечением слушал. Стихи писать он начал рано, но, к сожалению, они не сохранились.

Когда научился читать Алеша, очень много читал, часто читал интересные стихи и рассказы вслух, особенно вечерами, когда взрослые что-то делали. Любила слушать его мама. Много стихов Алеша заучивал наизусть и, расхаживая по избе, читал их громко. Любил Алеша слушать песни народные, которые хорошо пела наша мать.

После окончания городского училища Алеша какой-то период работал с отцом на Беляевском заводе, помогал подносить глину, кирпичи, песок и учился делать печи.

Наш отец был печник, долго (Л. 11) работал на Беляевском заводе, а потом ходил работать по деревням.

Надо сказать, что отец был хороший мастер, делал печи крепко и красиво, иногда люди ждали долго, чтобы он сделал. Отец был вынужден находиться на заработках почти круглый год, т<ак> к<ак> земли имел всего 3/4 надела, а семью в 9 человек [нужно было кормить]. Своего хлеба у нас хватало только до Михайлова дня (21 ноября), остальную часть года приходилось покупать хлеб. В самый сенокос отец находился дома и в большие морозы зимой.

Дома с хозяйством управлялась мать и старшая сестра, особенно доставалось Шуре, ну и Августа помогала уже. Шура летом ходила «в люди» косить, жать, молотить, трепать и мять лен.

(Л. 11 об.) С таким маленьким земельным участком семья быстро справлялась. Отец спашет весной, посеет свой маленький клочек земли и опять уходит в «работу» до сенокоса, от сенокоса до осенней вспашки, в наиболее свободные от сельхозработ уходил класть печи (т<о> е<сть> делать печи).

Алеша рано испытал нужду и с раннего возраста начал помогать семье. Зимой, приходя из школы, вечерами часто плел корзины с сестрами и мамой, говорят, что он хорошо плел. Летом работал в поле и на огороде, а позднее и начал помогать отцу делать печи. В более позднее время с Федей — младшим братом — делали кирпич, и мы, маленькие, помогали мять глину в яме. Делали кирпич очень быстро и хорошо, а потом продавали кому надо делать печи.

(Л. 12). Однако отцу не хотелось, чтобы сын всю жизнь мучился с глиной, как он сам, а ведь $3/4$ земли надо делить на 2-х сыновей (как было раньше), чтобы им досталось? Вот отец и решил отдать Алешу в городское училище, но окончив его, мальчику 13 лет из деревни, было трудно куда-то поступить учиться дальше и Алеша стал работать на заводе с отцом. Два года работал с отцом, а потом работал у какого-то купца. Сначала — мальчиком, а потом — приказчиком. Купец был доволен Алешей, так как он быстро считал, был проворный, добросовестный. Когда в субботу шел домой Алеша, то ему купец всегда давал гостинцы, которые он приносил домой и с гордостью раздавал всем, ведь это он (Л. 12 об.) заработал. Однако эта работа не удовлетворяла Алешу, да и отцу была не по душе, Алеше хотелось учиться, он тянулся к знаниям. Он был сильный, смелый, развитый хорошо, рисовал и лепил из глины разные фигурки, начинал писать стихи, много читал.

В 1911 г <оду> летом Алеша пошел в село Архангельское к священнику Авельяну за «метриками», а тот ему в ответ: «Куда тебе от печника, да метишь в ученые». Алеша смело отвечает: «Ничего, батюшка, ведь и от профессоров, да от попов бывают пастухи». Возмутился священник, но метрики все же дал.

В воскресенье, увидев в церкви отца, священник говорит: «Ну, Степаныч, башковитый у тебя парень, далеко (Л. 13) пойдет». Священник знал Алешу в земском училище, так как он преподавал там Закон Божий и, кроме того, Алеша пел на клиросе (раньше учеников обязывали петь на клиросе, у кого священник, или дьякон, определяли хороший голос), а у Алеша был хороший голос, в более позднее время он уже не пел на клиросе.

Осенью в 1911 году Алексей поступает в Вологде в фельдшерско-акушерскую школу, как наиболее доступную для крестьян средняков и окончил ее весной в 1914 году, а осенью того же года был призван в армию. В зимние каникулы и летом в годы учебы Алеша приезжал домой часто с друзьями. Наши родители были очень гостеприимные и охотно принимали товарищей сына.

(Л. 13 об.). Приезжая домой летом, Алеша сразу включался в домашние дела вместе со всеми членами семьи, а вечерами читал книги, писал стихи.

В 1914 г<оду> летом замещал в селе фельдшера Леушина Константина Васильевича, кажется месяц, а может и два, я уже забыла. Больные очень полюбили его, т<ак> к<ак> он был чутким, отзывчивым и вежливым, внимательным, хорошо знал свое дело.

В это лето 1914 года и в более поздние годы, когда он был дома, его часто вызывали к больным в свою и ближайшие деревни. Он шел по вызову и без вызова, если знал, что кто-то болеет и днем и ночью. Константин Васильевич Леушин — наш фельдшер — всегда был Алеше благодарен, что он помогал ему ле**(Л. 14)**чить больных. Тогда ведь был один фельдшер на большую округу деревень. Перед уходом в армию Алеша замещал фельдшера, как я уже указала, а остальное время работал в хозяйстве, активно помогая семье. Вечерами много читал, писал стихи, по гуляньям не ходил, но осенью перед уходом в армию, в деревнях рекрута последние 2–3 недели гуляли, разъезжая на лошадях с колокольцами. Алексей, шутя, тогда говорил: *«Уж раз я рекрут, то и мне положено гулянуть»*. Изредка тоже с ребятами ездил по деревням, по посиделкам. На посиделках брал играть в кадрили ту девушку, которую меньше брали играть другие ребята. А дома сестры над ним смеялись: *«Ну, уж и играл с кем, ее никто и не берет, кроме тебя»*. Алеша смеялся: *«Мне все рано с кем играть, а она пусть порадуется, все же с фельдшером играла»*.

Вечерами сестры и мама плели косынки, Алеша очень любил слушать, как сестры пели частушки под звон коклюшек и сам иног-

да садился за чей-либо кутуз, и пел частушки, растягивая слова и выходило очень забавно.

*Рекрута, вы рекрута,
Вам дорожка не туда,
Дорожка косогорчиком –
Кататься с колокольчиком.*

Иногда приводил парней-рекрутов в гости, приходили девушки, да свои две сестры Шура и Августа, и устраивали посиденку.

(Л. 15). Мама сидит, смотрит на него и со слезами говорит: *«Не могу насмотреться на тебя Алешенька, ты так мало бываешь дома. Вот в праздники всегда сижу под окном и плачу, все ребята гуляют, а моего и нет».*

Алеша обнимет маму (он ее очень любил и был ласков к ней) и говорит: *«А ты бы, родная моя, радовалась, да приговаривала, все-то дураки скажут, а моего хоть дурака и нет. Ты думаешь я бы лучше был погорелян?».* (Раньше в течение ряда лет погореловские ребята отличались своим ухарством, и в нашей деревне всегда не с охотой принимали погореловских ребят, они это понимали и в нашу деревню ходили редко).

(Л. 15 об.). В армии А<лексей> А<лексеевич> Ганин служил в Николаевском госпитале в Петрограде в должности младшего фельдшера. В 1915 году был переведен в авиационный полк, а в конце 1916 г<ода> по болезни был демобилизован из армии. После выздоровления работал в Петрограде фельдшером, где именно? Не помню.

За годы службы в армии 1914–1916 г<одах> Ганин подружился с Есениным, который работал в том же госпитале санитаром. Видимо их сблизило то, что оба писали стихи.

Летом в 1917 году Ганин и Есенин приезжали дважды в Вологду, а в конце августа, или начале сентября, Есенин вместе с З<инаидой> Райх приезжали в Коншино. Я в это время была в Вологде, готовилась **(Л. 16)** поступать в гимназию по инициативе брата.

Алеша очень хотел, чтобы я училась и взял меня на свое обеспечение, т<ак> к<ак> надо было платить за обучение да и обувь, одеть надо, отец был не в состоянии. По настоянию Алексея и младший брат Федя в 1916 г<оду> поступил учиться в Тотемскую учительскую семинарию. В отношении Феде и отец не возражал, т<ак> к<ак> боялся сыновей оставить в деревне на маленьком клочке земли на мучительную жизнь, которую он сам испытывал, благо у ребят было желание и способности к учению.

В Вологде Алексей с Есениным заходили ко мне на квартиру, где я жила у Рядовиковой Е<вдокии> И<вановны> на Малой Богословской в доме Попова-Лобачова, (Л. 16 об.) и я с ними ходила обедать в ресторан. В ресторане я смотрела по сторонам, меня удивляли люстры, посуда, картины и все, что там было. Алеша же о чем-то разговаривал с Есениным и изредка мне подсказывал, как правильно держать ложку, как есть. Их разговор меня не интересовал, ведь я из деревни, девочка 10 лет, да и Есенин тогда был ничем не примечательным и неизвестен.

Из Коншино они, очевидно, поехали на Соловки через Морженьгу, т<ак> к<ак> на лошади от нас наиболее удобно ехать на Морженьгу.

Здесь в Архангельске старый краевед говорил, что Есенина и еще двоих видел кто-то на бульваре, но он ни с кем не встречался здесь.

(Л. 17). Сестра Лена говорит, что Есенин и З<инаиды> Райх и Алеша ходили гулять на косогоры под Кузьминское, и она с ними ходила. В тот год поле это было ржаное, а брат очень любил ржаное поле с его васильками. Гуляли они и в деревне. Лена помнит как Райх и Федя плясали. Младший брат Федя хорошо плясал, играл на балалайке, на гитаре и гармошке, которую ему подарил Сергей Есенин в 1916 [или] 1917 г<оду>, когда Федя приезжал в Петроград.

В 1918 году оба брата уходят добровольцами на гражданскую войну. Федор – на фронт по борьбе с Колчаком, а Алексей – на Северный фронт и служил в Красноборском госпитале фельдшером, где написал стих<отворение> «*Братья плотнее* (Л. 17 об.)

смыкайте ряды» и стих <отворение>, неизвестно кому посвященное, «Пришло нежданно уронило...».

В 1919 г<оду> Ганин работает в Карпогорском [Каргопольском —?] военном лазарете. Вместе с ним работал в госпитале доктор Фалин Александр Владимирович, который в своем письме хорошо отозвался о Ганине А<лексее> А<лексеевиче>.

Пишет доктор Фалин А<лександр> Влад<имирович>:

«Военный фельдшер Ганин А<лексей> А<лексеевич> проявил себя хорошим помощником врачей, инициативным и энергичным работником. Ганин безукоризненно выполнял свои обязанности во время операций. Нередко самостоятельно решал много разных задач. Налаживал санитарный транспорт, эвакуировал раненых и больных, следил за бесперебойным (Л. 18) снабжением медикаментами и перевязочными материалами своего госпиталя и ближайших военных частей. Наблюдал за питательно-согревательными пунктами, которые он же и организовывал. Был требователен к себе и подчиненным. За нерадивость строго взыскивал. Сам работал, не считаясь со временем. Он занимался даже заготовкой топлива. Работал с присущей ему настойчивостью».

Трудолюбив был брат с детства, не боялся никаких ни черных работ, ни трудных. Это трудолюбие Алеша унаследовал от своих родителей, рос в большой семье и самому приходилось рано помогать семье зарабатывать деньги.

(Л. 18 об.). *«Хороший организатор здравоохранения, — пишет доктор Фалин, — в полевых условиях, а поэтому пользовался у товарищей заслуженным авторитетом и уважением. Среди своих коллег он выделялся общим образованием, широтой взглядов. В свободное время (редкое довольно) он что-то писал в своей самодельной тетради, хорошо рисовал, иногда читал вслух стихи».*

«Ганин — поэт, — продолжает д<октор> Фалин, — прекрасной души человек, внес немалый вклад в общее дело борьбы за Советскую власть на Севере против интервентов и белогвардейцев. К людям Ганин был отзывчив, добрый, кроме работы в госпитале иногда ходил лечить гражданских в ближайших деревнях. Ему тогда (Л. 19) шел 25-й год. В 1918 г<оду> он написал и поэму “Памяти деда”».

В июне 1918 года Алеша приезжал, видимо, в Вологду по делам и заехал к сестре Августе в дер<евню> Медведево. Пришел вечером поздно с поезда, и, не желая беспокоить хозяев, лег спать в телегу, которая стояла у крыльца. Утром, обнаружив в телеге гостя, все были безгранично обрадованы, но сожалели, что спал на улице. Утром у Августы собралось много гостей по случаю праздника в деревне, Алеша с гостями сфотографировался и на следующий день праздника уехал обратно.

В 1919 г<оду>, в конце, брат женился. В 1920-м году А<лексей> Ганин работает в г<ороде> Вологде в Культпросвете 6-й армии. [В] 1921–23 [годах] учился в пединституте (**Л. 19 об.**) в Вологде на литературном отделении. В то же время сотрудничал в журнале «Кооперация Севера». Федор тоже учился в пединституте вместе с Алешей. Алексей жил тогда на ул<ице> Урицкого в доме Ломакина, имел небольшую комнату, а Федя — жил в общежитии. С осени 1920 г<ода> до нового года 1921 я гостила у Алеши (он был уже женатый). Я была удивлена, как Алеша успевал и учиться, и работать, и дома много делал, помогал жене — Гале. Долго сидел вечерами читал, писал. Часто к нему приходил А<лексей> П<петрович> Германов, они долго сидели и разговаривали тихо, а мы с Галей — спали.

1920-й год был тяжелый, плохо было с питанием, нам в Вологду привозил отец продукты, т<ак> к<ак> его два брата уехали с семьями в Сибирь, и отец купил у них посев (**Л. 20**) ржи, а летом на их земле сеял яровое, садил овощи, поэтому мы уже были сыты продуктами со своей земли.

Когда у них было плохо с питанием Алеша говорил жене: «Пой, Галька». [И она пела]:

*Нет ни сахару, ни чаю
Нет ни хлеба ни вина.
Вот теперь я понимаю,
Что писателя жена.*

А сам пел и приплясывал. Алеша никогда не унывал, любил шутить, но в то же время был серьезен <...>.

Летом 1920–23 года Алексей всегда выезжал в деревню. Летом 20-го года – вместе с женой, а в 1921 г<оду> у них родилась дочь Валентина <...>. В 1923 г<оду> зимой родился сын Саша и Алексей со всей семьей лето жил дома до самой осени.

(Л. 20 об.). Летом в 1923 г<оду> свирепствовала в деревнях дизентерия, он ходил лечил детей в своей и соседней деревнях. Саша умер шести месяцев и Алеша очень переживал смерть сына.

К этому времени у нас было много земли, стало много хлеба, у нас уже была лошадь и 2 коровы, отец не ходил на заработки летом, да и зимой редко ходил, т<ак> к<ак> много дела было и дома, с хозяйством. Вся семья любовно с усердием работала на земле, семья стала сыта своими продуктами. А как радовался бывало отец, не выразить словами его радость. Первое время ежедневно ходил он в поле смотреть всходы, придет и говорит: *«Хорошие всходы, матери»*. Так был рад земле, что от радости **(Л. 21)** со слезами целовал землю и не верилось ему, что это его земля, о которой мечтала вся семья долгие годы, и завидовали тем, кто ее имел. Сбылась вековая мечта!

Подошла осень, зашумела высокая рожь. Мама и сестры с радостью жали, не зная усталости, и не верилось им, что жнут не на чужой земле, а на своей. А то, еще когда учился Алеша и приезжал домой летом, долго вечерами сидел с отцом и матерью, утешал их, что наступит такое время, когда отец получит землю, купит лошадь, будет пахать широкие полосы, а мы с Федей будем косить широкие постати: *«Ох и размахнемся же мы во все плечи, (Л. 21 об.) нарастет хлеба, купим еще корову, гусей, кур, мы будем днем работать по летам, а вечером писать»*.

И вот сбылась их мечта, жаль, очень жаль, что на широких просторах Алеше мало пришлось косить. Братья охотно трудились, они умели и косить, и пахать, и выполнять все сельхозработы.

Алеша очень любил сенокосную пору и сенокосу посвятил свое стих<отворение> *«Покос»*.

Однажды братья и сестры косили в маленьком лужке, а там много было кочек, Алеша искривил косу и решил исправить, воткнул в кочку и сломал. Отец почему-то не был на лугу. Идя домой, он пел песню на мотив былины на ходу ее со (Л. 22) ставляя:

*Не ругайся, мой батюшка,
Не сердися родименький.
Я косил траву шелковую
Искривил свою косоньку.
И хотел ее исправить
Да сломал свою острую.*

А Федя и сестры по дороге смеялись над Алешей: «*Будет тебе сейчас от тяти*». Наш отец был довольно строгий. Мы все его боялись, не смели ослушаться, но в то же время он был и очень добрый, любил всех детей. Когда приходил из работы по субботам или в воскресенье, (Л. 22 об.) приносил всегда гостинцы. Увидев его от поскотины, мы гурьбой бежали его встречать (младшие) и бросались на шею. Нас было много, но отец всех детей любил, шутил, играл, рассказывал разные истории, смешные бывальщины, и мы все его очень любили.

Отец наш не курил и никогда не пил водку, был бережлив, каждую копейку сберегал. Ведь нас 7 человек — надо прокормить, одеть. Надо сказать, что мы были не богаты, но все же сносно одеты, обуты и сыты.

Мать и сестры весной до сельхозработ зимой, и, осень, плели косынки и продавали в селе. И мы, младшие, плели и помогали по дому, что могли. Всем было какое-либо дело, у нас не было пустых вечеров. Отец то (Л. 23) вил веревки, то пряд, то ушивал обувь, шил стельки, но что-то всегда делал, он даже вязал носки и рукавицы. В молодости хорошо рисовал и мечтал стать живописцем, но не удалось в силу семейных обстоятельств. Учиться ему пришлось один год у какого-то дьячка.

Как интересно было вечерами, когда под звон коклюшек слышалось тихое пение частушек, которые пели сестры. Алеша тоже любил слушать частушки, а иногда их пел сам. Пел очень забавно:

*Ягодиночка – матрос,
Не проливай у девок слез,
У девок слезы зря прольешь –
На параходе уплывешь.*

Любил записывать частушки, которые он слышал вновь. (Л. 23 об.) Сестра Августа рассказывала, как они с Шурой летом на богомолье завивали волосы, а Алеша им поет:

*Сероглазая не вей
На головушке кудрей,
Из-за твоих кудеречек
Гоняют с посиделочек.*

Или:

*Милка кудри завивает
Да и мне велит завить,
Как завью, так и не будет
Кудреватого любить.*

Вдруг ночью случилась гроза, все выбежали на улицу и кудри у девиц размочил дождь. Алеша подшучивал над ними: «*Как же вы без кудрей, и женихи теперь смотреть на вас не будут*».

(Л. 24). Я уже указывала, что Алексей будучи дома летами всегда активно участвовал во всех сельхозработах, а в дождливую погоду и вечерами уходил обычно в мезонин читать [и] писать. Он так увлекался своей работой, что не слышал, когда к нему обращались. Приходилось повторять несколько раз, особен-

но, когда звали ужинать. Потом, приходя, извинялся, что доставил говорить несколько раз.

У Алеши была большая библиотека, которую он считал своим богатством. В мезонине они с Федей сделали книжные полки от пола до потолка, там были произведения Шекспира, Некрасова, А<лексей> Толстого, Пушкина, Гоголя, В<иктора> Гюго, Баратынского, Бунина, (Л. 24 об.) Тургенева, Достоевского, Горького, Кольцова, Маяковского и много много других. Были книги и философии. Было много рукописей, которые стопочками лежали на полу, сшитые, или скрепочками прикрепленные в пачки.

Сам он сделал столик-полку, на которой писал, а иногда писал сидя на сундуке, который стоял в мезонине.

Особенно в тихие летние вечера Алеша любил сидеть на балконе, откуда далеко была видна вся окрестность. Он всегда говорил с гордостью: «*Как красиво кругом!*». Возможно здесь он и написал стих<отворение> «*Внимала мечтами дорога...*», где есть слова:

*Сияют церковные крыши,
(Л. 25). Ясна тишина деревень,
Уснула и ласково дышит
Прохлада на красный плетень.*

Особенно любил работать ночами, когда никто ему не мешал мечтать.

Часто днем, в летние дни, забирался на развесистую иву, там читал, или пел песни, любимая его песня была это «*Вечерний звон*». Иногда под ивами раскидывал одеяло на траву, приносил подушку, и, глядя в небо долго лежал молча.

Любимым местом его была и наша маленькая поскотина — «*Лисьи горки*». Он долго бродил по поскотине собирая грибы, или просто гулял. Иногда садился на «*Ратов забор*» — это в конце поскотины при входе в Быховское поле — и (Л. 25 об.) там сидел. Любимым местом его был берег реки Бохтюги перед деревней Гоголицыно, там были наиболее глубокие два омута с темной

водой, точно огромная чаша, это в нескольких метрах от покосины, а за деревней Гоголицыно тоже расстился лес. Место довольно красивое. Долго сидел Алеша на берегу реки, особенно на закате солнца и любовался красотой природы. Очевидно здесь он написал стих <отворение> «Где лесная купели затоны...». Он очень любил свой родной северный край, его леса, луга, поля, деревни. В своих стихах он обоготворял родную природу и в них выразил свою любовь к ней. Например, «К тебе пришел я, край родимый», «Весна» «Осень».

(Л. 26). В своем романе «Завтра» в I-й части он описывает Кожлинские покосы за болотом, ходьбу по болоту и Глушицу.

В поэме «Деду Степану» он описывает тяжелый труд крестьян до революции.

Отец, бывало, пробирал Алексея за то, что он писал. Отец, бывало, говорил: «Бумагу марать, деньги не зарабатываешь». Алеше очень много времени требовалось на домашние работы, на учение, а писал в свободное время, которого было так мало, и ночами, отрывая часы от сна.

Внимательным и чутким он был к своим родным и соседям, за что и любили его соседи.

Помню, когда Алексей приезжал домой, наш дом был полон радости и веселья. Мама начинала печь (Л. 26 об.) ежедневно что-то особенное, вкусное и все новое. Алеша садил нас с Леной по очереди на плечи и бегал по избе. Вечерами долго разговаривал с родителями. Особенно он любил маму, она была у нас ласковая. С фронта писал ей: «Добрая мать, не грусти обо мне».

В избу всегда приходили соседи, когда появлялся Алеша дома. Ребятишки, девушки и женщины [приходили] посмотреть Алексея. Мужички — покурить городского табачку и узнать о жизни в городе о настоящей, о будущей.

Первыми гостями всегда были тетя Авдотья и дедушка Дуганов, ну, и, конечно, ребятишки. Удивительно, он умел находить разговор со всеми, и старыми, и маленькими, и образованными людьми. Был находчив.

(Л. 27). В свободные минуты играл в городки с ребятами (они с Фейей сделали городки и палки, которые у нас под крыльцом лежали до конца существования дома).

Сам он иногда заходил к Брызгалову В<?> В<?>, как наиболее развитому из мужиков.

В нашем доме почти всегда было весело, так как самих было много, да приходили девицы и парни гулять. За столом любили шутить, особенно наш отец рассказывал разные смешные истории, бывальщины, а мы — и рады смеяться. Ведь вся семья без всяких дел имеет возможность побыть только за столом.

Один раз, в сочельник крещенский, ели кутью из пшеницы и гороха. (Л. 27 об.). Я не знаю, что загадывали девушки, но они старались «выкрасть» ложку кутьи и положить под мышку, под платок, между рубашками, чтобы никто не заметил. Так вот сестра Шура в один из таких вечеров спрятала кутью в надежде, что никто не заметит, так как никто не обратил внимания, возможно, и в самом деле не заметили. Вдруг Алеша спокойно говорит: «Шурочка, не обожглась?». Все засмеялись, а Шура вышла из-за стола сконфуженная, что ее тайна раскрыта.

По внешнему виду Алексей Ганин был среднего роста, коренастый, блондин со светло-голубыми выпуклыми большими глазами, брови белые, носил коротко подстриженные во (Л. 28) лосы. В детстве при ссоре ребята его ругали: «Сивый». Он отвечал: «Я не сивый, я белый, сивые лошади бывают». Одет всегда аккуратно подтянут.

По характеру Алеша был серьезный, настойчивый, аккуратный, смелый, сильный, обладал силой воли, был трудолюбив, исполнительен. Не терпел расхлябанности, лени, несправедливости, подхалимства. Он всегда смело и прямо, не взирая на личность, горячо отстаивал свои взгляды. Никогда и никого не боялся, говорил в глаза правду, кому угодно. Говорил Алеша не громко, внушительно, но в споре был горяч. При всех своих деловых качествах Алеша любил шутить, быть веселым, добрым. Удивительно он умел сочетать деловитость (Л. 28 об.) и шутки, с большим вниманием относился к людям. Очень любил мать,

приезжая домой, всегда привозил всем гостинцы и хоть небольшие подарки.

Последний раз Алеша со своей семьей приезжал в деревню весной 1923 года и жил дома все лето до осени. Осенью 1923 года уехал в Москву сдавать стихи в печать, хотел поступать в Московский университет, мечтал стать профессором русского языка, но так и не суждено его мечте сбыться.

Стихи в Москве в 1924 г<оду> печатались, но все или нет? Неизвестно, т<ак> к<ак> мы узнали это через 40 лет. Из Москвы он так и не вернулся. Его жизнь оборвалась в 32 года. Жена его — Гильда Даниловна — (Л. 29) жила с дочкой зиму у нас в деревне, а потом уехала к своим родным в Эстонию. Умерла она в 1935 году. Дочь умерла в 1945 году. Похоронены обе в Выру в Эстонии, я была на их могиле.

Уезжая в Москву, Алеша заезжал к себе на квартиру в Вологду, где у него по ул<ице> Мира<...> была комната, в которой долго жила я. Я в это время поступила учиться в педтехникум. Помню, Алеша мне давал советы: *«Не выходи рано замуж, научись хозяйничать, кое-что делать (стирать, готовить), а то моя Гальяка ничего не умеет делать, мне много приходится делать самому. Ей трудно и с ней трудно»*. Давал советы в учебе, в хозяйстве, какими должен (Л. 29 об.) быть вообще человек и женщина — в частности. Обещал меня взять в Москву, если устроится там. Долго мы ждали, ждали дорогого брата, сына, мужа и отца, да так и не дождались.

30 марта 1925 г<ода> его настигла трагическая смерть. Его книги, стихи и библиотека бесследно исчезли. В 1937 г<оду> умер отец, мать внезапно продала дом. Книги и рукописи увезли сестры в Шачино и Офимкино. На рукописи, на обратной стороне, ребята сестры Анны писала (делали тетради, т<ак> к<ак> бумаги в войну Отечественную не было). Часть книг, видимо, растеряли, а кое-что было увезено в Шачино, но там сгорело во время пожара дома сестры Шуры. Так его (Л. 30) рукописи и книги не сохранились. Я в те годы жила с семьей далеко и в годы войны было трудно возиться с книгами. Мы не собирались продавать дом.

В одном из стих<отворении> Алеша писал:

*Руке послушен пар и радий и магний
Велик, велик наш день.
О, Золотое завтра,
Кто мог в пути сквозь ночь
Зажечь огни, как мы!*

К великому сожалению, поэту не довелось дожить до «Золотого завтра», о котором он так мечтал.

Мечтал о лучшей жизни и наш отец. Он ждал, что сыновья выучатся и дочь (т<о> е<сть> я — Мария), получит землю и будет жить сыто и весело.

(Л. 30 об.). Отец активно участвовал в демонстрациях, посвященных революции. В февральские дни 1917 г<ода> проходили в селе мощные демонстрации крестьян, наш отец был в первых рядах. Не помню с кем, они в гневе сшибли голову с памятника царю Александру Освободителю. Памятник стоял прямо церкви — большой.

В дни гражданской войны, когда дни были очень трудные, бывало тетья Авдотья говорила отцу: *«Только и бегал с флагами-то по селу, сшиб голову царю на памятнике, вот Бог-то и наказал»*. Отец отвечал: *«Ничего, Авдотья Дмитриевна, будет и наше время, будет и на нашей улице праздник»*. Однако до «большого праздника» не дождались ни отец, ни сыновья.

(Л. 31). Так закончилась их жизнь.

Алексея мечта не осуществилась, то учился, потом война, затем опять учение и постигла смерть, так и не успел поработать в полную меру.

2/III 1979.

М. А. Кондакова

*Публ. по: Сокольская правда. — 1993. — 10–11, 13–14, 17 августа.
Текст воспоминаний дополнен фрагментами рукописи М. А. Кондаковой
из личного архива А. А. Еремеева.*